

Достоевский в Семипалатинске.

Б. Г-в*).

В числе 23-х, приговоренных по делу петрашевцев, был Ф. М. Достоевский, получивший 8 лет каторги. Николай I сократил срок каторжного заключения Достоевскому до 4-х лет, с отдачей его потом в бессрочную солдатчину.

Знакомство Достоевского с Сибирью началось с Тобольска. Это был первый крупный этап подневольного сибирского путешествия писателя. В декабре 1849 года Достоевский выехал в ссылку. Перед отездом Федор Михайлович получил свидание со старшим братом Михаилом Михайловичем и некоторыми друзьями. Сохранилось описание последнего прощания Достоевских, сделанное А. П. Милюковым.

«Смотря на прощание братьев Достоевских,—говорит Милюков,—всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Ф. М. был спокоен и утешал его: «И в каторге не звери, а люди, и может еще и лучше меня, может достойнее меня. Да мы еще увидимся, я надеюсь на это, я даже не сомневаюсь, что увидимся. А вы пишите да, когда обживусь,—книг присылайте; я напишу каких: ведь читать можно будет. А выйду из каторги—писать начну».

Достоевский был отправлен в Сибирь в одном поезде с поэтом Дуровым и Ястржембским (помощник инспектора технологического института). Все были закованы в кандалы. В дороге Ф. М. явился настоящим «гением-утешителем» для Ястржембского, физически и морально измученного и восемимесячным заключением в Алексеевском равелине и тяжелым путешествием в лютые сибирские морозы.

Сурово встретила Сибирь политических изгнанников. Иззявшие на сорокаградусном морозе, они мечтали согреться и отдохнуть в Тобольске. Действительность разрушила их иллюзии. Когда их, с холода, ввели в огромный зал Тобольской пересыльной тюрьмы, они увидели большую партию арестантов, которых готовили к отправке по разным острогам. Мужчины, женщины, дети—были перемещаны вместе. Одним брили головы, других пригоняли к же-

лезному пруту, около которого должны были идти арестанты, заковывали в кандалы.

В канцелярии острога служили, в качестве писцов, арестанты в острожных халатах, с клеймами на лицах: «К. А. Т.», с вырезанными ноздрями, с выжженными на лбу буквами: «В. О. Р.».

Достоевский и его спутники обратились к смотрителю с просьбой дать им самовар.

— А как же вы будете путешествовать по сибирским этапам? Нет у нас самовара!—отрезал смотритель.

После обыска их поместили в грязной темной комнате с нарами, на которых валялись грязные, набитые сеном, тюфяки. Мечты о тепле рассеялись. Скорчившись от холода на полу, друзья обменивались полученными впечатлениями. Обстановка Тобольской каторги привела Ястржембского в отчаяние. К тому же путешественники поморозились и получили повреждения от кандалов. У Достоевского открылись золотушные раны.

Соседями петрашевцев, за тонкой перегородкой, оказались подследственные арестанты, среди которых в то время шла азартная карточная игра, сопровождавшаяся пьянством и угарной бранью. В уме Ястржембского созрело крайнее решение—покончить с собой; но Достоевский сумел успокоить друга, внушить ему какую-то надежду. Впрочем, самочувствие петрашевцев поднялось, когда они неожиданно получили сальную свечу, спички и горячий чай, по распоряжению жандармского офицера, оказавшегося одним из знакомых Ястржембского и узнавшего о прибытии ссыльных в Тобольскую тюрьму.

Таково было первое знакомство Достоевского с Сибирью.

В Тобольском остроге петрашевцев посетили жены декабристов—Муравьева, Анненкова с дочерью и Фон-Визина, доставившие Ф. М. и его друзьям хороший обед и вина. Об этом посещении Достоевский рассказывает в «Дневнике писателя» за 1873 год.

«Когда мы в Тобольске, в ожидании дальнейшей участии, сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умоляли смотрителя острога и устроили в квартире его свидание с нами. Мы увидели этих великих страдальцев, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь... Ни в чем не повинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час»...

Наступил день, когда Достоевского с Дуровым назначили для отправки в Омскую каторжную тюрьму. Ястржембский простился с ними. «Мы расстались, говорит он,—с Достоевским и Дуровым в Тобольском остроге, плакали, обнялись и больше уж не видались».

Тобольск сменился Омском. Это второй, более продолжительный, этап сибирской жизни Достоевского. Четыре кошмарных года провел Ф. М. в «Омском Мертвом Доме». В периодической печати приходилось встречать разные указания о месте, где Достоевский отбывал каторжные работы: одни называли Красноярск, другие—Устькаменогорск. Среди старожилов Устькаменогорска и до сих пор держится убеждение, что Достоевский нес наказание в Устькаменогорском военном отделении каторжной тюрьмы. Даже указывают камеру, где будто бы сидел Ф. М. На чем основано это предположение устькаменогорцев, трудно сказать. Но достоверно известно, что ни в Красноярске, ни в каком-либо другом месте Сибири Достоевский не был, а отбывал свой срок наказания в Омской каторжной тюрьме.

Семипалатинск—третий и последний этап сибирской жизни Достоевского. Здесь каторга Достоевского должна была закончиться бессрочной сол-

* Настоящая статья написана одним из старожилов г. Семипалатинска.

датчиной. Как ни страшна была солдатская лямка дареформенного, николаевского, казарменного режима, при котором считалось за правило: *девять забей, десятого выучи*, — переход к этому «новому режиму» Ф. М. встретил чуть не с восторгом. «Новая жизнь, воскресение из мертвых» (*Записки из мертвого дома*) — вот как определил Достоевский, по выходе из Омской каторги, предстоявшую ему жизнь в Семипалатинске.

Его определили 2 марта 1854 года рядовым в 7-ой Сибирский линейный батальон.

Достоевского больше всего обрадовала, после каторги, возможность *единения*.

Жизнь Достоевского в Семипалатинске почти не освещена в литературе. Заслуживают внимания воспоминания Врангеля^{*)}. Есть несколько мелких заметок в разных периодических изданиях и — почти все.

Тем не менее, на основании этих данных и того материала, который нам удалось собрать в Семипалатинске о Достоевском, мы попытаемся дать очерк жизни Ф. М. в этом городе.

Первые два года солдатской жизни в Семипалатинске явились для Ф. М. очень тяжелыми. Палочный режим заставлял быть бдительным. Приходилось напрягать все силы, чтобы выполнять суровые требования субординации. Надо было тянуться за другими, чтобы не отстать в службе. Все это отражалось на здоровье, которое было очень расшатано каторгой, обострившей эпилепсию Достоевского. Тем не менее, через четыре месяца военщины Достоевский знал солдатское дело не хуже других, о чем он не без удовольствия сообщал в письме к старшему брату, Михаилу Михайловичу.

Пребывание в казарме дало возможность Достоевскому сравнить солдатскую лямку с каторгой и это сравнение было не в пользу тюрьмы. Там Ф. М. считал себя заживо погребенным. Отклики на кошмарную жизнь в Омске мы видим в письме Достоевского из Семипалатинска к младшему брату Андрею Михайловичу. «Что за ужасное это было время, друг мой, я не в состоянии тебе передать. Это было страдание невыразимое, бесконечное. Если-б я написал тебе сто листов, то и тогда ты не имел бы представления о моей тогдашней жизни» (от 6 ноября 1854 г.).

Служба поглощала все время Достоевского. Ф. М. старался быть точным в исполнении своих обязанностей. Он выполнял все требования дисциплины, как бы ни были они суровы, нес караульную службу, почтительно относился к начальству, хотя бы это начальство было старше его всего на одну белую лычку на погоне (ефрейтор). Старые служаки батальона № 7 хорошо отзывались о Ф. М., вспоминая, как он предупредительно-аккуратно при встречах с ними отдавал им положенную честь. «Ты иногда и не замечаешь Достоевского, а он между тем тянется с рукой», — говорили сослуживцы Ф. М. по батальону.

Живя в казарме, Достоевский являлся невольным свидетелем того, какими суровыми мерами внедрялась дисциплина в солдатскую жизнь. Это положение Достоевского отягчалось тем обстоятельством, что батальон № 7 являлся неспокойным. В нем было много сосланных помещиками дворовых людей и так называемых «наемников», нанявшихся за других отбывать солдатскую службу, — бесшабашный элемент, не особенно склонный к исполнению правил

^{*)} С.-Петербург, 1912 г.

войинского устава. Все это поднимало настроение казармы. Налицо всегда были элементы брожения, недовольства, которое подавлялось беспощадно. Рост репрессии зависел от степени озлобленности солдат.

Возраст солдат был самый разнообразный: были старики, были и молодежь, не мало из кантонистов. Один из последних, пермяк Кац, сданный в солдаты семнадцатилетним мальчиком, оказался соседом Достоевского по казармам. Ф. М. жалел Каца и всячески оберегал его от оскорблений казармы. Кац по окончании военной службы остался на постоянное жительство в Семипалатинске, занимался портняжничеством, имел дом и скончался лет 12 назад. Кац говорил нам, что его очень влекло к Достоевскому. «Всей душой я чувствовал, что вечно угрюмый и хмурый рядовой Достоевский бесконечно добрый человек, которого нельзя было не любить». Будучи портняком, Кац заработал немного денег и завел самовар, за которым они и сидели с Достоевским в свободное время. Ф. М. отдыхал за самоваром. Чай являлся заметным дополнением к скромному солдатскому столу. Самовар наставлял и за молоком к чаю нередко ходил сам Ф. М. Проснется бывало Кац рано утром с твердым желанием поставить самовар и приготовить молоко, —смотрит, самовар уже на столе, здесь же стоит кринка с молоком, амуниция вачищена.

Жена дьякона Хлынова, у которой Ф. М. брал молоко, говорила: «Помню, помню этого солдатишку; только какой-то чудной он был: то рядится и просит отпустить молоко подешевле, то вдвое дает дороже. Помню его, чудной он был, но хороший человек; недаром произвели его в офицеры; дрянь-то ведь не пустили-бы в офицеры».

Ф. М. неоднократно видел палочную расправу над солдатами, но однажды ему и самому пришлось принять участие в наказании шпицрутенами одного провинившегося. Достоевский попал в «Зеленую улицу», дожидаясь подхода преступника. По словам Каца, Ф. М. с невероятными усилиями заставил себя поднять палку и опустить очередной удар на спину преступника. В тот же день с Достоевским был тяжелый припадок падучей. Вообще первые два года солдатской службы потребовали от Достоевского большого напряжения сил и много унесли здоровья.

Что касается литературных работ Достоевского в этот период его жизни, то трудно допустить, чтобы Достоевский писал что-нибудь. Обстановка казармы слишком была неблагоприятна для каких-либо литературных занятий. Достоевский только поддерживал переписку с родными. Первое письмо Ф. М. из Семипалатинска помечено 30 июля 1854 г.

В январе 1856 г. Достоевский получает звание унтер-офицера. Достоевскому позволили переселиться из казармы на частную квартиру.

Первая частная квартира Ф. М. была в доме Семипалатинского старожила Пальшина. С хозяевами Достоевский был в дружеском общении. Квартира давала единение и возможность литературных занятий. Надо полагать, что с этого момента Достоевский возобновил свои литературные работы, прерванные каторгой. Пальшины свидетельствовали, что Достоевский очень много времени отдавал чтению и письму, даже по ночам. В казарму Ф. М. должен был являться только на занятия и в экстренных случаях, когда за ним посыпали. Посланных Достоевский оделял деньгами, табаком и угощал чаем, если они приходили к готовому самовару. Поэтому вестовые охотно ходили к Достоевскому с поручением от фельдфебеля или другого начальства.

В моменты хорошего настроения Ф. М. вспоминал в разговорах обстоятельства случившейся с ним в Петербурге катастрофы, показывал даже саван, в котором он стоял на эшафоте.

Достоевский давал уроки математики Мамонтовой-Мельчаковой. Мы застали еще в живых эту старушку. Она сообщила нам интересные сведения о занятиях с ней Ф. М. Мамонтова признавалась, что она была ученица лейб-гвардии, капризная и малоспособная, не всегда аккуратно выполняла требований своего учителя. Но Ф. М. был настойчив и всегда добивался желательных результатов. Нередко свою строптивую ученицу он оделял конфетами. Занимался Достоевский с ученицей в шинели. Позднее выяснилось, что Ф. М. прикрывал шинелью недостатки своего костюма. Мамонтова вспоминала, что на уроках у нее Ф. М. сильно и долго кашлял,—видимо, каторга и казарма весьма повлияли на состояние здоровья писателя. Кроме квартиры Пальшина, Достоевскому приходилось жить и в других домах. Друг Достоевского, Врангель, дает следующее описание одной из таких квартир Ф. М.

«Хата Достоевского находилась в самом безотрадном месте. Кругом пустырь, съпучий песок, ни куста, ни деревца. Изба была бревенчатая, древняя, скривившаяся на один бок, без фундамента, вросшая в землю, без единого окна наружу. У Достоевского была одна комната, довольно большая, но чрезвычайно низкая; в ней царствовал всегда полумрак. Бревенчатые стены были смазаны глиной и когда-то выбелены. Вдоль двух стен шла скамья. На стенах там и сям лубочные картины, засаленные и засиненные мухами. От входа у дверей стояла большая русская печь. За ней помещалась постель Ф. М.-ча, столик и, вместо комода, простой досчатый ящик. Все это спальное помещение отделялось от прочего ситцевой перегородкой. За перегородкой в главном помещении стоял стол, маленький в раме зеркальце. На окнах красовались горшки с геранью и были занавески, вероятно, когда-то красивые. Вся комната была закопчена и так темна, что вечером с сальной свечей я еле мог читать (стеариновые свечи были тогда роскошью, а керосина не существовало). Как при таком освещении Ф. М. мог писать夜里 напролет, решительно не понимаю. Была еще приятная особенность его жилья: тараканы сотнями бегали по столу, стенам и кровати, а летом блохи не давали покоя». (23-24 стр.).

В октябре 1856 г. Ф. М. был произведен в офицеры,—он получил чин прaporщика. С этого момента Достоевский уже официально входит в офицерскую среду. Командир седьмого батальона, подполковник Белихов, был большой оригинал. Будучи кантоnistом, он дослужился до чина подполковника. Любил выпить и в обнимку с солдатками ходил по гостям. Был большой хлебосол и любил принимать гостей. Кончил Белихов плохо. Растратив казенные деньги, застрелился. Белихов выписывал газеты и журналы, но сам не любил читать их. Узнав, что ссылочный рядовой Достоевский образованный человек, он пригласил его к себе на квартиру, для чтения вслух почты. Нередко Белихов оставлял Достоевского обедать у себя. Здесь же Ф. М. познакомился с представителями местной интеллигенции, посещавшими батальонного командира.

Производство в офицеры расширило круг знакомства Достоевского. В это время он знакомится с Марией Дмитриевной Исаевой. Муж ее, Александр Иванович, был неисправимый алкоголик, допивающийся до белой горячки. Жизнь с вечно пьяным мужем тяготила ее. Встретив в лице Достоевского образованного человека, к тому же явно интересовавшегося ею, Исаева постепенно сблизилась с Ф. М.

Близким другом Достоевского был «стряпчий по уголовным и гражданским делам», как тогда назывался прокурор, Александр Егорович Врангель. Родители Врангеля были знакомы с родителями Достоевского по Петербургу. Когда

улодой Врангель получил назначение в Сибирь, родные Ф. М. послали с ним в Семипалатинск письма, деньги, посылку.

Встреча Врангеля с Ф. М. была теплая, хотя Врангель до этого времени не был лично знаком с Достоевским; знакомство перешло в дружбу. Врангель глубоко ценил высокие дарования своего друга и всячески ему протежировал. Между прочим, он ввел Ф. М. в дом губернатора Спиридонова, когда Достоевский был еще рядовым. Спиридонов, впрочем, высказал пожелание, чтобы Достоевский не приходил к нему в дом в солдатской шинели. Врангель, как аристократ, с большими связями в столице, держался независимо, совершенно не обращая внимания на семипалатинских чиновников, которых шокировала дружба прокурора со ссылочным солдатом. Дорога дружбой с Ф. М., Врангель предложил ему переехать к нему на жительство. Он снял в аренду так называемый «Казаковский сад», полуразвалившийся и с прогнившими полами домик, с садом и огородом, принадлежавший богатому Семипалатинскому обывателю Казакову.

Особняк находился недалеко от Иртыша. В саду, при доме, протекал ходячий ключ. Друзья занялись устройством своей дачи: развели цветник, огород, водоемы в саду наполнили живыми стерлядями (был даже осетрик), развели кур, достали диких поросят и ручного волченка. Под полом дачи оказались ужи, которых друзья приручили, наливая им в комнате молоко. Эти ужи, однажды не на шутку перепугали семипалатинских дам, и с тех пор дача была объявлена «заколдованной».

В тихие летние ночи друзья ложились на траву около дачи и вели бесконечные разговоры. Достоевский любил декламировать Пушкина. Любимыми стихами его были «Пир Клеопатры» (Египетские ночи). Декламация Ф. М., по словам Врангеля, была великолепна. Иногда Ф. М., шагая по комнате, с большим воодушевлением читал отрывки из задуманной им повести «Дядошкин сон».

Вместе с Врангелем Достоевский часто бывал у Исаевых. Но вот, Исаев получил служебный перевод в г. Кузнецк, Томской губ. С большой грустью проводил Достоевский Марию Дмитриевну. Самого Исаева, замерзшего пьяного, положили в экипаж. С отездом Исаевой, Ф. М. затосковал. Он заметно худел, перестал даже писать «Записки из мертвого дома». Ухудшение в состоянии здоровья Ф. М. не на шутку встревожило Врангеля. Тогда он решился устроить свидание Достоевского с Исаевой в Змеиногорском руднике, находящемся между Семипалатинском и Кузнецком. Врангель сообщил свой план Ф. М., который ухватился за него с радостью. План состоял в следующем: об явить Достоевского больным и в это время тайно с'ездить в Змеиногорск на свидание с Исаевой, которой предварительно послать письмо.

Чтобы обеспечить успех, решено было посыпать в заговор врача Лямотта. В архиве бывшего областного правления, мы встретили некоторые сведения о Лямотте: он студент Виленского университета. За принадлежность к какой-то тайной политической организации Лямотт был послан в семипалатинский линейный батальон, где исполнял обязанности врача. Врангель называл Лямотту «человеком добрейшей души». Лямотт с восторгом принял участие в заговоре друзей. По городу распустили слух, что Достоевский, в припадке падучей, сильно расшибся и нуждается в полном покое. Для большей иллюзии ставни окон квартиры Ф. М. были наглухо закрыты. В это время тройка несла друзей прямой дорогой через Бель-Ягач мимо Бокта, к Змеиногорску. Но здесь Достоевского ждало горькое разочарование. Вместо Исаевой друзья получили только письмо Марии Дмитриевны, извещавшей о том, что муж сильно болен и она не может оставить его одиночку. Огни № 4. 1921 г.

го; кроме того—она сидит без денег и ей не на что было бы выехать в Змеиногорск.

Через три года жизни в Семипалатинске Брангель выехал в Петербург. От'езд его глубоко огорчил Достоевского. Ф. М. искренно полюбил своего друга, о котором дал, в письме к Апполону Майкову, восторженный отзыв. Некоторым утешением для Достоевского явилась поездка его с П. П. Семеновым—Тянь-Шаньским, исследователем Туркестана, в рудники Локтевский, Змеиногорский и г. Барнаул, который являлся центром Алтайского Горного округа.

Посетил Ф. М. в Семипалатинске, проездом в Карагану, Чокан Валиханов, блестящий представитель Киргизской степи, впоследствии вывезший из Центральной Азии богатейший материал о таинственной тогда Карагане, составивший большой том «Записок Центрального Русского Географического Общества». К сожалению, Чокан умер от чахотки. Могила его находится в Лепсинском уезде, Джетысуской (Семиреченской) губ. Достоевский был знаком с Чоканом еще в Петербурге.

В числе знакомых Достоевского считался городской судья Пешехонов. Это был замечательный хлебосол, двери дома которого были открыты для всех желающих.

Вечера в доме Пешехонова проходили очень весело. Ф. М. довольно часто посещал их, принимая участие в играх и танцах молодежи. На вечерах в доме Пешехонова было настоящее «разливное море». «Э, друг! Если хочешь быть готовым, иди к Пешехонову», — говорил Ф. М. кому-нибудь из своих знакомых. Но пьяных Достоевский не выносил. «Кто пьет до потери в себе человеческого образа, тот не уважает ни в себе, ни в других человеческого достоинства», — говорил он. Достоевский, повидимому, не прочь был принять участие и в карточной игре.

Довольно часто Достоевский бывал в доме ссыльного поляка Карла Ордынского, отбывшего 4-хлетнюю каторгу в Усть-Каменогорской военно-каторжной тюрьме и солдатчину в Семиречье и обосновавшегося потом в Семипалатинске, где Ордынский, к моменту прибытия Достоевского в Семипалатинск, уже состоял на государственной службе в звании смотрителя провинциальных магазинов. В доме Ордынского Достоевский много писал, даже по ночам.

Между тем переведенный в Кузнецк Исаев окончательно спился, заболел и умер. Глубокое сердечное влечение, которое Ф. М. чувствовал к Исаевой, закончилось браком Достоевского на Марии Дмитриевне.

Достоевский взял отпуск, отправился в Кузнецк, и повенчался на вдове Исаевой 6 февраля 1857 г. Предварительно от батальонного командира, подполковника Белихова, на имя причта Кузнецкой церкви поступило следующее отношение от 1 февраля 1857 г.

«Пропорщик вырененного мне батальона Достоевский говорил за себя в законное супружество проживающую в г. Кузнецке жену умершего заседателя по корчменской части, коллежского секретаря Александра Исаева, Марию Дмитриевну, имеющую от роду 29 лет, почему покорнейше прошу Священно-Церковно-Служителей, ежели со стороны невесты не будет предстоять законных препятствий, то г. Достоевского свенчать, от роду он имеет 34 года, холост, как он, так и невеста вероисповедания православного, г. Достоевский у исповеди и св. причастия ежегодно бывал, при чем прилагал подпись невесты и свидетельство о смерти мужа ее,—по свенчанию же не оставить меня уведомить».

По возвращении из Кузнецка, Достоевские поселились в доме Лепухина, по Крепостной улице. Обстановка квартиры была скромная, но уютная, способствовавшая литературным занятиям Ф. М. В материальном отношении Достоевский постоянно чувствовал затруднение. Оно увеличилось с женитьбой Ф. М. Приходилось всем обзаводиться, начиная с белья. Маленько офицерского жалованья не хватало, и Достоевский принужден был пополнять свой бюджет займами. Временами Ф. М. помогал его брат, Михаил Михайлович, имевший папиросную фабрику. Но фабрика скорела и помочь прекратилась, так как брат сам оказался в положении нуждающегося.

В счет будущих литературных работ Достоевский получил от Каткова аванс в 500 рублей. Семейные заботы осложнились заботами об определении Павла Исаева, сына Исаевых, в учебное заведение. В архиве бывшего Семипалатинского Областного Правления найдено написанное «бисерным»*) почерком Достоевского прошение, на имя команда батальона Белихова, об исходатайствовании перед властью подорожной для Павла Исаева, которого Достоевский предполагал определить в Омский кадетский корпус. Прошение извлечено из архива и помещено в музее Семипалатинского отдела Русской Географической Общества.

Семипалатинская глушь удручающе действовала на писателя. Семипалатинск, времен Достоевского, походил скорее на большое село, с населением в 5—6 тысяч человек. На весь город только 10—15 человек выписывали газеты, да и те плохо читались. Среди чиновников процветало взяточничество. Сплетни были любимым занятием семипалатинских обывательниц. Не мудрено, что Достоевскому хотелось поскорее выбраться из Семипалатинска. Как о счастье, он мечтал выйти в отставку и поступить на гражданскую службу в Барнаул, хотя бы чиновником XIV класса, чтобы получить возможность беспрепятственно печатать свои произведения. Имя Достоевского было в то время нецензурно в печати. Желая возможно скорее видеть в печати свои литературные работы, Ф. М. даже предложил Брангелью подписываться под своими произведениями, на что Брангель, естественно, не согласился.

В судьбе Достоевского приняли участие его товарищи по инженерному училищу: известный генерал Тотлебен, принц Ольденбургский и позднее Брангель.

В 1858 г. Достоевский подал в отставку и с нетерпением ожидал результатов своего ходатайства, указав местом своего жительства Москву. О тогдашнем его настроении свидетельствует следующее его письмо к некоему Е., от 12 декабря 1858 г.: «Каждый день и час жду решения судьбы моей и не дождусь. Вы не поверите, как это тошно. Я подал в отставку, упомянув в моей просьбе, что жительство буду иметь в Москве. Моя отставка пошла, но до сих пор о ней ни слуху, ни духу. Просился я в отставку по болезни (ладучей). Живу в Семипалатинске, который надоел мне до смерти; жизнь в нем болезненно мучит меня. Даже самые занятия литературой сделались для меня не отдыхом, не облегчением, а мукой. Во всем виновата моя обстановка и болезненное положение мое». Еще раньше, желая несколько поправить свое расстроенное здоровье, Достоевский взял в мае 1857 г. двухмесячный отпуск и выехал в казачий поселок Озерки, в 16-ти верстах от города.

Старания друзей Достоевского увенчались успехом. 18 марта 1859 г. состоялся приказ об увольнении Достоевского по болезни в отставку в чине

*) «Бисерным» почерк Достоевского назвал Григорович.

подпоручика. Ф. М-чу указано было жить в Твери, с учреждением за ним секретного надзора. За время жизни Достоевского в Семипалатинске он находился под надзором. В архивном бюро областного правления нам удалось найти любопытный документ, касающийся писателя. Когда Достоевский, находившийся под надзором полиции, получил офицерский чин, полицейская власть обратилась к губернатору с просьбой о разъяснении, следует ли продолжать надзор за Достоевским, в виду производства его в офицеры? Последовало разъяснение о продолжении наблюдения. Таким образом, офицерское звание не спасло Достоевского от надзора, который велся за ним по двум ведомствам: военному и гражданскому. Впредь до получения паспорта, Достоевскому был выдан временный билет 30 июня 1859 года, с которым Ф. М. вскоре и выехал в Тверь, прожив в Семипалатинске с 1854—1859 г., более пяти лет.

Что же написал Достоевский, находясь в Семипалатинске? Можно установить следующее. Достоевским написаны повести: «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон», первая—для «Русского Вестника» и вторая—для «Русского Слова». Издатель «Русского Слова» Кушелев с восторгом принял повесть «Дядюшкин сон» и прислал Достоевскому в Семипалатинск 1000 руб.

Печатание произведений Достоевского началось в 1858 г. Затем, не может быть никакого сомнения в том, что под живым впечатлением прошедшей категории, оставившей в душе Достоевского неизгладимые образы, Ф. М. писал в Семипалатинске знаменитые «Записки из мертвого дома». По крайней мере, Врангель говорит, что тоскуя по случаю от'езда Исаевой в Кузнецк, Ф. М. «даже бросил свои «Записки из мертвого дома», над которыми работал так недавно с таким увлечением». Правда, в письме Ф. М-ча к брату Михаилу Михайловичу из Твери, от 15 октября 1859 г., Ф. М. сообщает, что приступить к писанию «Мертвого дома» он намерен после 15 октября, «теперь же,—добавляет Ф. М.—болят глаза и нельзя при свечах заниматься». Очевидно, в этом отрывке письма Достоевского нет противоречия с замечанием Врангеля. Достоевский приступил к описанию Омской каторги в Семипалатинске, а закончил, или обработал этот труд, уже в Европейской России.

К сибирским же произведениям Достоевского относятся: статья о России, письма об искусстве, сибирские стихи на европейские события в 1854 г. и десятки писем к родным друзьям. Обе эти статьи, как самостоятельные, не значатся в произведениях Достоевского, предполагают, что они или затерялись, или распылились в разных произведениях Ф. М-ча. В Семипалатинске же Достоевский обдумывал «Идиота». По от'езде Достоевских из Семипалатинска в Тверь, в квартире их, в доме Лепухина, стены квартиры оказались оклеенными рукописями Достоевского; часть рукописей пошла на покрышку крынок Лепухиной. Что это за рукописи? Не попали ли в их число потерявшиеся статьи писателя?

Остается еще один запутанный и в то же время чрезвычайно важный для выяснения влияний Сибири на творчество Достоевского вопрос: подвергался ли Достоевский физическому насилию в Омской каторге и Семипалатинской казарме? Мнения по этому вопросу расходятся. Одни утверждают, что Ф. М. был жертвой грубого насилия и в Омске и в Семипалатинске. Так бывший каторжанин Рожновский в газете «Кавказ» говорит о двух наказаниях, которым подвергли Ф. М. в Омске: 1) за жалобу на то, что в арестантских щах был найден кусок грязной кошмы (войлока) и 2) за спасение До-

стоевским одного тонувшего в Иртыше, вопреки приказания начальника^{*}). В Семипалатинске пришлось слышать о следующем: среди офицерства был некто Веденяев, известный Семипалатинским старожилам под именем «Бурана». При экзекуциях солдат он строго следил за тем, чтобы преступникам не делалось никаких поблажек. Когда Достоевский в первый раз появился в казарме, «Буран», указывая фельдфеблю на Достоевского, обронил:

— С категории сей человек. Глядеть в оба и поблажки не давать.

Совет начальства был принят фельдфебелем к сведению. Однажды фельдфебель отдал какое-то приказание Ф. М-чу. Фельдфебелю показалось, что рядовой Достоевский недостаточно быстро исполнил приказание. Тогда фельдфебель подошел к Ф. М-чу и сильно ударил его по голове. Об этом случае Ф. М. будто бы вспоминал с величайшим негодованием (Скандин). Но с другой стороны у нас есть категорическое заявление Врангеля о том, что все рассказы о физическом насилии над Достоевским чистейший вымысел. От самого Достоевского не осталось непосредственного сообщения о насилии над ним. Трудно допустить, чтобы Ф. М. умолчал об этом из-за какого-то ложного чувства—стыда. «Записки из мертвого дома» обнажают такие язвы человеческой души, что вряд ли бы Ф. М. стал умалчивать о расправе над ним, если бы таковая была.

Итак, почти после десятилетнего пребывания в Сибири, Достоевский вернулся в Европейскую Россию. Какая же у него осталась память о Сибири? Какие воспоминания о ней вывез Ф. М.? Ответом могут служить следующие строки из письма Ф. М-ча к Врангелю от 22 сентября 1859 г., когда он ожидал приезда Врангеля в Тверь: «Поговорим о старом, когда было так хорошо, о Сибири, которая мне теперь стала мила».

В романе «Униженные и Оскорбленные» мы также видим отражение сочувственного отношения Достоевского к Сибири в словах одного из действующих лиц—Ивана Петровича, обращенных к Анне Андреевне: «Полноте, Анна Андреевна, в Сибири совсем не так дурно, как кажется». Один из друзей Достоевского, Милков, говорит, что «Достоевский никогда не жаловался на свою судьбу. Достоевский как будто бы был даже благодарен судьбе, которая дала ему возможность в ссылке не только хорошо узнать русского человека, но вместе с тем и лучше понять самого себя». В «Идиоте», устами своего героя, князя Мышкина, в котором заметны многие черты самого Достоевского, Ф. М. говорит: «Мне показалось, что и в тюрьме можно огромную жизнь найти». Находясь в каторге, в обществе товарищей, покрытых отвратительной корой преступлений, Достоевский иногда встречал в них «черты самого утонченного развития душевного: думаешь, что это зверь,—продолжает Достоевский,—а не человек... и вдруг приходит случайно минута, в которую душа его невольным порывом открывается наружу, и вы видите в ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое понимание и собственного и чужого страдания, что у вас как бы глаза открываются, и в первую минуту даже не верится тому, что вы сами увидели и услышали» («Записки из Мертвого дома»).

В 1911 г. исполнилось 30-тилетие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Вспомнили о нем и в Семипалатинске. Семипалатинский Отдел Российской Географического Общества обратился в Городскую Думу с ходатайством о гиаменовании одной из улиц в честь Достоевского и о прибитии к дому Ле-

^{*}) К. Кенян. «Сибирь и ссылка», Т. I, 1906 г., страницы 113—114.

пухина, бывшей квартиры Ф. М-ча, мраморной доски с надписью о том, что в этом доме жил Достоевский. Дума удовлетворила ходатайство общества, переименовав Крепостную улицу в улицу имени Достоевского (по этой именно улице стоит домик Достоевского), к дому Лепухина была прибита мраморная доска. Географический Отдел, кроме того, взял на себя инициативу сбора материалов о пребывании Достоевского в Семипалатинске, устраивал о нем лекции и т. д. В 1921 г. состоялось торжественное заседание Географического Отдела, продолжавшееся два вечера (12 и 13 ноября) по случаю столетия со дня рождения писателя. Достоевскому посвящено было 10 докладов. Отделом изготовлены фотографии, как самого Ф. М-ча, относящиеся к его пребыванию в Семипалатинске (1858 г.), так и тех зданий (казарма, квартира его и др.), которые имели то или иное отношение к личности Достоевского. Театр при Семипалатинском доме заключения назван театром имени Ф. М. Достоевского.

Старинные люди у Холодного океана.

Мих. Плотников.

Если не ошибаюсь, в конце 1914 г. появилась отдельным изданием интересная книга Б. М. Зензинова, озаглавленная «Старинные люди у Холодного океана»—Русское Устье Якутской области, Верхоянского округа.

Книга эта посвящена жизни небольшой колонии русских людей—потомков первых насельников Сибири, проживающих на устье реки Индигирки, около Ледовитого океана.

Редактор книги В. В. Богданов в своем предисловии к книге Б. М. Зензинова, характеризует колонию устьиндингирицев, как «живую старину XVII ст.» и рекомендует их, как «древний пережиток сорганизованности народных масс (новгородцев), который до наших дней сохранился на далеком Русском Устье».

О происхождении колонистов Русского Устья Б. М. Зензинов говорит, что, по сохранившемуся от стариков преданию, предки здешних колонистов были выходцами из разных мест Зауральской (Европейской) России, пришедших сюда северо-сибирским морским путем (на ботах и косях) еще в царствование Ивана Грозного. Причина эмиграции, по словам того же предания,—тягость ратной службы. В подкрепление этой гипотезы автор приводит коротенький рассказ местного жителя, который повторяет предание, но на причину эмиграции указывает, как на спасение от эпидемической болезни—«удушья».

Сообщая эти предания, автор переселение русских относит ко времени Алексея Михайловича, «когда бегство крестьян от внутреннего нестрагния в государство и народного разорения на севере России и Сибири принесло колоссальные размеры» (Курсив автора).

В отношении пути автор говорит, что эмигранты пришли не обычным путем через Якутск, а морем, и в подтверждение «сугубой старинности устьиндингирицев» приводит следующие положения: 1) старинные особенности языка, 2) сохранившиеся обычаи, 3) их песни и былины и 4) необыкновенную национальную устойчивость. Насколько предположения Б. М. Зензинова ошибочны, мы постараемся разобраться в настоящем очерке.

Прежде всего—вопрос времени эмиграции и пути. Безусловно, эмиграция русских северо-сибирским морским путем во времена Ивана Грозного более чем сомнительна.

Известно, что русские проникали в Сибирь задолго до знаменитого похода Ермака (1579 г.), также в З. Сибири существовали небольшие торгово-промышленные колонии русских купцов и промышленников, но поверить в то, что русские могли совершить этот далекий путь на р. Индигирку до открытия р. Лены (т. е. до 1629—38 г. г.), едва ли возможно даже при наличии самой пылкой фантазии. Эмиграция морским путем, т. е. побережьем Ледовитого океана, во времена Ивана Грозного тоже абсурдна.

Сибирские летописи указывают, что русские казаки из устья р. Енисея в 1610 г. проникли на р. Пасину, но в дальнейшем история таких плаваний за Таймырский полуостров не упоминает до 1738 и 1739 г. г., когда штурман Минин из Енисея и Харитон Лаптев из Лены предприняли плавание с целью морским путем обогнуть Таймырский полуостров, но безрезультатно, в виду чего исследование было произведено сухим путем геодезистом Чекиным и Челюстиным в период с 1739 по 1741 г. г.